

Приступив к выпуску журнала «Наследие предков», члены редколлегии понимали, что даже при минимальном тираже у издания будет свой круг читателей, что рано или поздно у этих читателей возникнет желание высказать свое отношение к поднятым проблемам и что нам придется им отвечать. Так оно и вышло. Устные замечания, пожелания, критика, письма с дружественными откликами и бранью стали поступать сразу же после выхода первой номера. Часть из них мы опубликовали в рубрике «Отклики читателей», часть — в разделе «Обсуждение», некоторые кратко пересказали в «Хронике».

Редколлегия в принципе не обязана высказываться по дискуссионным вопросам (у нас не Церковь, не партия, не воинский орден, а культурно-исторический журнал, где каждый автор сам отвечает за свои утверждения), но я решил это сделать в частом порядке из-за личного интереса и научной целесообразности.

Я подчеркиваю, что буду говорить от своего собственного имени, даже если разочарую читателей, привыкших к коллективным письмам, воззваниям, документам и анонимным разоблачениям. В данном случае это необходимо хотя бы для того, чтобы люди различали членов редколлегии по фамилиям, лицам и голосам, и поняли, что в природе нет такого существа как Авдеев-попов-тулаев, а есть отдельно Авдеев, отдельно Попов и отдельно Тулаев. Кому-то эта ирония может показаться излишней, но, поверьте, она более, чем уместна, ибо самые бестолковые вопросы возникают именно из-за непонимания сути нашего союза.

Увы, часто меня спрашивают примерно так: «Почему Авдеев пишет то-то и то-то, а Попов ничего не высказывает по данному поводу?». Или так: «Зачем Попов написал нейтральное послесловие к дискуссии о Фоменко, если опубликованная о нем статья Бегунова носит разоблачительный характер?». Иногда просто требуют перестать печатать Шилова (или его оппонента Гусеву), Асова, Елисеева, Широпаева или Шрипаду Садашивачарью. В таких случаях я обычно отвечаю, что редколлегия печатает тех авторов, кого считает нужными. Мы не можем и не собираемся подделываться и

вкусы какого-то одного читателя, даже если он считает себя умнее других. И если у Вас есть конкретные вопросы к кому-либо из наших авторов, пожалуйста, обратитесь к нему лично.

Повторяю, будучи членами одной редколлегии (ее состав, кстати, недавно изменился), будучи кругом близких друзей с общими интересами, мы остаемся разными людьми, мы часто даже между собой спорим, кого опубликовать в первую очередь, кого потом, а на всех — не угодишь никогда. Для одних наш журнал слишком архаичный, для других — слишком правый, для третьих — недостаточно русоцентричный и православный.

Пока «Наследие предков» в целом устраивает сравнительно небольшой круг читателей, но и они, будучи разными людьми (по возрасту, полу, темпераменту, национальности, генетике, религии, партийной принадлежности, вкусам, привычкам и т.д.) имеют свои собственные взгляды, которые — никогда не забывайте об этом! — развиваются, уточняются и меняются, причем иногда весьма существенно. И это абсолютно нормально. Многообразие, развитие, противоречия — основополагающие принципы самого Бытия. Наука (а наш журнал по жанру научно-популярный) также требует свободного развития. Без свободы мысль задыхается, чахнет, умирает. Не знаю, как для вас, а для меня свобода — это безусловное благо. Я предпочитаю сам делать выбор: что мне делать, во что верить, кого любить.

Есть несколько крупных, узловых проблем, по которым в журнале ведутся споры и по которым я хотел бы коротко высказать свое мнение.

Первое — это религия. Мы уже не раз говорили о том, что «Наследие предков» — неконфессиональное издание. Вместе с тем каждый из нас имеет свое собственное мировоззрение и отношение к религии. Два члена редколлегии из трех — Владимир Юрьевич Попов и я, Павел Владимирович Тулаев — исповедуют Православие, один — Владимир Борисович Авдеев — неоязычник. Как именно Попов понимает Православие, это его личное дело, вопрос его веры. От себя скажу только, что более православных, русских по духу людей, я в своей жизни встречал редко. Попов — настоящий воин Христов, живущий духовным хлебом, питающийся небесной энергией, переполненный любовью к божественной красоте. Потому-то он и не боится Страшного Суда, а, напротив, всеми силами приближает его. Хотите убедиться в этом, прочитайте все номера газеты «Я — Русский» (прежнее название «Эра России»), «Сновидение», которые выпускает зам. председателя Народно-национальной партии по печати.

Мое отношение к Православию носит более интеллектуальный характер. Несмотря на многолетний опыт пребывания в лоне Русской Православной Церкви, я, в силу умственной привычки к размышлению, к осмысливанию любого явления до возможной глубины, до полной ясности, не перестаю задавать себе все новые и новые вопросы. Они не перечеркивают моего мистического опыта, моей искренней веры в Бога, в абсолютную реальность Его бытия, но разум требует ответов.

Что такое Бог?

Имеет ли право какая-либо одна религиозная традиция претендовать на монополию в ответе на этот вечный вопрос?

Если Бог один, то почему существует бесконечное множество его понимания, объяснений и изображений?

Некоторые люди решают эти и подобные им вопросы не просто, а очень просто. Не зная толком ни одной из религий, они упорно настаивают на том, что никакой «бога» нет и никогда не было. Они убеждены, что религия это обыкновенное надувательство «эксплуататорских классов», «хитрых попов» и «реакционеров», а посему отказываются следовать любой традиции. Логическим пределом данной позиции можно считать жизнь классика современных декадентов Маркиза де Сада. Обнаружив многообразие религий, он решил не следовать ни одной и выбрал утонченный разврат.

Более сложный, но не менее противоречивый путь избрали масоны. Они, подобно гностикам, стали бесстрашно осваивать всю полноту знания и принялись создавать на ее основе собственные религии и культы. Надо ли пояснять, что задача эта не из легких. В бесконечном лабиринте бытия можно и заблудиться. Иные кончили свои поиски за решеткой и в сумасшедшем доме.

Консерваторы, укорененные в той или иной религиозной традиции, обычно смотрят на вопрошающих чудаков свысока. Мол, зачем себя мучить ненужными мыслями: молись Богу, постись да трудись. Они исправно делают то, что положено в рамках принятых правил, верят во все, что написано в учебниках и накапливают знания по количественному принципу. Им нет дела до того, кто, когда и почему написал

священные для них книги, всели в них актуально, нужны ли сегодня все обряды, накопившиеся за многие и многие века. Когда им говоришь, что даже добро в неограниченном количестве превращается в свою противоположность, как любая чрезмерность, они укоряют тебя недостатком веры и любви к Богу.

А вопросы, между тем, остаются:

Почему у бесконечно разнообразного Бога должен быть только один «избранный народ»?

Почему наше духовное, метафизическое небо должно осмысливаться через древнееврейские имена?

Почему ради Ветхого завета, ради Израиля, ради Иерусалима мы должны забыть наших родных богов и предков?

Будучи Единым в своем конечном пределе, в своем предвечном Инобытии, Бог не может не быть дифференцированным и бесконечно разнообразным в эманации, в земном проявлении, в своей данности людям. Бесконечное деление времени, бесконечное многообразие племен и народов, бесконечность материальных форм, — все это неизбежно приводит к пониманию Бога как вечно обновляющейся, волевой и энергетически заданной формуле актуальной, дифференцированной бесконечности. Понятно, что это не слепой хаос, не грубая материя, не абстрактная идея, не то, не другое, не третье. Не случайно, истинное Православие зиждется на апофатике, на отрицательном богословии. Ибо как только появляются положительные определения Бога, теологи разделяются по мнениям, священники по конфессиям, Церкви по юрисдикциям и т.д.

Если мы понимаем, что единый Бог в принципе бесконечно дифференцирован, что хотя каждому отдельно-му человеку он и открывается как актуальное тождество личного и сверх-личного, абсолютно внутреннего и иного, в целом он есть ни что иное как сумма богов, каждый раз данная в конкретно-историческом и этническом контексте. Если мы будем исходить из этого, то метафизический монизм выйдет за рамки иудейского монотеизма. Тогда и на политеизм

мы бу-дем смотреть не как на проявление цер-ковного «экуменизма», а как на естествен-ное многобожие.

Кто из серьезных мыслителей не по-нимает, что религии мира — это разные, порой даже не пересекающиеся миры?

Кто изучил аргументы богословов всех религиозных традиций, прошел опыт всех святых, имеет одновременно ответ на все вопросы жизни и смерти?

Кто посмеет утверждать, что ведическая религиозная традиция менее глубока и последовательна, чем библейская?

Эти и подобные им вопросы задаю себе не только я. Многие люди помимо Биб-лии читали Гомера, Платона, Аристотеля, Веды, Махабхарату, Ницше, Шопенгауэ-ра, Лосева или хотя бы слушали музыку Вагнера и видели картины Рериха. Откры-тие античности, древнего Востока, Индии. Китая и вообще иных, небиблейских ми-ров, не может не наводить на размышле-ния о бесконечном разнообразии сферы божественного, сакрального, интимно-лич-ного и сверх-личного.

Одной из крупных и весьма популяр-ных религиозных школ является тантризм, развивающийся в рамках индуистской тра-диции. Поскольку тантризм — арийское учение, журнал «Наследие предков» уде-лил ему внимание. Я не знаток тантризма. но знаю, что глава московской общины «Тантра-Сангха» русский священник, при-нявший по посвящению имя Свами Шрипада Садашивачарья, приступил со своими учениками в России к реформированию классического тангризма шиваитского тапка в современный рудраизм, что на деле оз-начает максимальное сближение развитой индоарийской метафизики и славянского неоязычества. Новым полюсом притяже-ния становится культ Рода-Рудры, трансцендентно-имманентной оси мира, скреп-ляющей и оплодотворяющей, подобно фаллосу, небо и землю. Публикация теологи-ческих размышлений Свами Шрипады в нашем издании не означает, что мы пере-шли в тантризм или приняли рудраизм как символ веры. Вместе с тем, мы с благо-дарностью приняли предложение выдаю-щего учителя о сотрудничестве, ведь он пытается ответить как раз на те вопросы, решение которых не дают христианские богословы.

Некоторых читателей удивляет, почему «Наследие предков» уделяет так много места арийству, русско-славянским корням, язычеству в целом. Не есть ли это любовани-е навечно ушедшим в прошлое «золотым веком»? Нет ли тут самообмана следования за ускользящим горизонтом? Почему бы нашему кругу не заняться изучением более близкого прошлого, а еще лучше — современности?

Ну, прежде всего — от современности мы не прячемся. В нашем издании есть немало работ по проблемам сегодняшнего дня. Специальные приложения к журналу — «Русская перспектива» — целиком посвящены современности. В них некоторые критики нашли даже излишний, с их точки зрения, прогрессизм. Более близким, то есть пост-советским и советским прошлым мы, действительно, занимаемся меньше. Пока. Ибо именно последние десятилетия ежедневного обсуждают сотни историков, тысячи политиков и журналистов, миллионы простых людей. Разве этого мало? Зачем и нам лезть в это вавилонское столпотворение, когда неизученными, забытыми остаются целые века, а то и тысячелетия родного, славного прошлого?

То же самое можно сказать и о Православии. Было время, когда человека за веру во Христа могли уволить с работы и даже убить. Священники отсиживали сроки за свои убеждения и проповеди. У власти находились воинствующие атеисты, в те времена каждое выступление в защиту веры, религии, религиозной традиции было подвигом. А сейчас Церковь и власть снова в тесном союзе, в христианской литературе недостатка нет, православных священников и проповедников стало на порядок больше, храмы восстанавливаются на деньги частных предприятий, коммерческих банков и «новых русских» Нам ли в этих условиях проповедывать Библию?

Мне как историку не дают покоя другие вопросы:

Почему семитические, авраамические религии признаются властями и качестве традиционных для народов нашей страны, а родные, древнерусские, славянские и арийские культы считаются чужими?

Почему глава РПЦ, обращаясь к раввинам, говорит им, что ветхозаветные пророки - это «наши пророки», когда святоотеческое учение не только осуждает иудейство, но даже запрещает общаться с носителями ветхозаветной веры?

Почему патриархи русской зарубежной церкви, столь гордящиеся своей кано-ничностью, своей последовательностью в православной вере, не оставят комфортабельную Америку и не переедут в Россию, чтобы здесь, рядом со своими соотечественниками и единовѣрцами постоять за веру Христову?

Пока православные богословы раздумывают, священники и церковные иерархи анафемствуют инакомыслящих, а власти лавируют, ответ идет «снизу», стихийно, из кругов, далеких от римского папы.

Один из таких смельчаков — Влади-мир Борисович Авдеев. В России он стал широко известен после выпуска книги «Преодоление христианства» В силу своей тематики данная публикация вызвала естественный интерес у людей, изучающих развитие религии, тем более, что написана она и вызывающей, провоцирующей манере. Но нас сблизил не эта книга. И даже не то, что её автор - любитель античности, знаток классической римской литературы и яркий писатель. Хотя Авдеев и не понимает Православия, архетипически, по сути своей, он деятель правого толка. Он принципиальный и порядочный человек, честный и последовательный ученый, для которого такие понятия, как историческая правда, научная добросовестность и общественная справедливость, не пустые слова. Он не боится мыслить и кровно предан делу русского Возрождения. Когда Авдеев стал печататься в «НП», я попросил его, чтобы он, следуя истине, избегал односторонние, неточные оценки христианства и больше не оскорблял религиозные чувства православных. Автор принял мое пожелание. Свои основные аргументы против огульной критики Православия на страницах нашего издания я хотел бы сейчас повторить.

За десять веков после утверждения на Руси Православие стало неразрывной частью русской истории и культуры. Как бы ни трактовалась роль Православной Церкви и русской истории, перечеркнуть эти десять веков Российской Империи невозможно. Прошлое не переделать, ни отменить, не запретить. Его можно лишь переосмыслить.

Своточи и герои России: Нестор-лето-писец, Александр Невский, Иван Грозный, Ермак, Суворов, Гоголь, Пушкин, Достоевский, не говоря уже о русских императорах, церковных деятелях и миллионах простых людей доре-волюционной эпохи, — все они были православными. Для меня эти и многие другие родные имена всегда будут священными, хотя бы в силу закона крови. И я всегда буду защищать честь моих предков от любой хулы и клеветы.

В оценке русского прошлого нельзя уподобляться западным русофобам и жидоедам-циникам, вроде Розенберга, кото-рые видят в православной и советской России, лишь следы «еврейского засилья». Ник-то не отрицает влияния библейского мира и эмансипированных евреев на культуру и политику нашей страны, особенно в эпоху революции. Все сегодня знают об эксплуататорской, хищной роли евреев-банкиров, находящихся у власти. Эти темы, безусловно, заслуживают серьезного отношения, но они не должны заслонять собой всю остальную действительность. Хотите стать гебраистом, специалистом по истории си-онизма и прочих форм организованного еврейства, пожалуйста, изучайте иврит, талмуд, ветхий завет, роль и влияние евреев на современную политику и культуру. Толь-ко не надо весь мир рассматривать через очки иудаики, не надо лишать русских людей собственной почвы, не надо пре-вращать их в отрицательные частицы, вра-щающиеся вокруг искусственной планеты.

Далее. Православие — это не только прошлое, не только священное писание и историческое предание. Это также антро-пология, мистика, метафизика, мир вечных идей. Когда вульгарные, воинствующие материалисты восстали против религии и Церкви, они направили острие своей критики против идеализма. Результат обще-известен. Храмы разрушили, священни-ков уничтожили, богословские книги со-жгли... А вот цифры запретить и уничто-жить не удалось, нотные знаки тоже, «бур-жуазные науки» — кибернетика и гене-тика сбежали за границу. Вывод отсюда простой: бороться надо не с идеализмом, а с глупостью.

Можно было бы перечислить и другие аргументы в пользу стратегического перехода от критически-разрушительной к позитивно-созидательной деятельности: научные, этические, личные, политические, но пока придется ограничиться этими.

В заключение я хочу кратко проком-ментировать ту область знания, которая нас с Авдеевым объединила, которая одина-кова нужна всем русским людям, как иде-алистам, так и материалистам.

Речь идет о евгенике, науке об улуч-шении человеческой породы. Трудно пред-ставить себе более благородную цель, чем та, что ставит перед собой евгеника: сде-лать человека более здоровым, более кра-сивым и сильным. Евгеника идеалистична, поскольку она основывается на изучении генетической информации, всевозможных биологических формул. В этом смысле она сродни математике, химии, физике, астро-номии. И евгеника материалистична, ибо гены ее интересуют не сами по себе, а как основа совершенного человеческого орга-низма, человеческого тела.

В силу исторических обстоятельств у нас в стране евгеника была вытеснена из первых рядов научных дисциплин. От нее остались лишь архивы и институты физ-культуры, как детища одного из евгенических направлений. Кроме того, отечественной школе сильно повредил пацифистский миф. Когда современным людям говорят об улучшении человеческой породы, они сразу вспоминают Гитлера, концлагеря и всю ту антифашистскую пропаганду, которую более полувека насаждают противники евгеники.

Поэтому тем, кто приступает к освоению еще недавно запрещенной темы, я бы посоветовал не слишком увлекаться западными вариантами расизма. Во-первых, за чем русским брать за эталон немцев или англичан, это вызовет лишь чувство само-уничтожения и подражания. Во-вторых, западный вариант расизма объективно направлен против России. Цель Третьего Рейха как раз и заключалась в том, чтобы отделить от СССР нордические элементы (Прибалтика, Белоруссия, Украина), уничтожить Москву как центр Евразии и провести восточную границу германской империи по линии Петербург-Киев-Севастополь. В-третьих, русская евгеника имеет не только свои собственные традиции (Флоринский, Кольцов, Филиппченко), но и свои особенности. Их нужно изучить и усвоить.

Никто не запретит нам любить свое Отечество, своих родных и освоенную нашими предками землю. Никто не помешает нам досконально изучать наше историческое прошлое, наши корни, какими бы древними они ни были. Никто не заставит нас смешиваться с другими народами, принимать чужие ценности за свои, если мы сами того не захотим.

Русский мир будет принадлежать нам постольку, поскольку мы сами сумеем его понять и освоить. Но осваивая русский мир, осваивая наследие предков, следует постоянно иметь в виду, что прошлое, как и настоящее, это сплошное противоречие. Наивно полагать, что вся полнота бесконечно разнообразного бытия точно соответствует именно Вашему представлению о нем. Безответственно, позорно и крайне опасно оценивать своих соотечественников по недостаткам, промахам и ошибкам, даже если они бросаются в глаза в первую очередь. Так давайте же будем относиться друг к другу объективно, непредвзято. Давайте будем уважать и поддерживать лучшее друг у друга. Не будем позволять нашим противникам сталкивать себя лбами. И тогда это естественное, многообразное, хотя и противоречивое, единство русских по крови, по духу и по жизненной судьбе людей может стать оптимальной моделью для более широкого сотрудничества.

МНОГООБРАЗНОЕ ЕДИНСТВО

Автор: Павел Тулаев

27.03.2011 20:51 - Обновлено 27.03.2011 20:57
